B 38—
189

189
В38 189
— 30

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ

ГОЛИЦЫНУ

АЛЕКСАНДРА СТУРДЗЫ.

Санктпетербургъ.
Печатано въ Военной Типографіи.
1859.

55
146

T89

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ

ГОЛИЦЫНУ

АЛЕКСАНДРА СТУРДЗЫ.

Санктпетербургъ.

Печатано въ Военной Типографіи.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Марта 13 дня 1859 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
700107

ДРУЗЬЯМЪ

ДРУГА ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

Это надгробное слово напечатано было въ двѣ отдаленныя одна отъ другой эпохи, въ Одессѣ и въ Петербургѣ.

Скрижаль Исторіи нелицепріятно принимаетъ подвиги Государственныхъ людей, друзей человѣчества, съ лѣтописей частныхъ, приметъ и имя человѣка, который былъ довѣреннѣйшимъ лицомъ двухъ Монарховъ Россіи и ознаменовалъ жизнь свою подвигами добра, благости и неистощимой любви къ ближнему, — имя князя Александра Николаевича Голицына. Знаменательно сказаніе барона Модеста Андреевича Корфа, въ историческомъ Описаніи восшествія на Престолъ Императора Николая I-го, о дѣйствіяхъ князя 27-го ноября, въ день полученія въ Петербургѣ извѣстія о кончинѣ Императора Александра I: «Поднимаясь еще на «лѣстницу (Зимняго Дворца), князь Голицынъ узналъ, что «здѣсь всё уже кончено. Онъ тотчасъ велѣлъ доложить о се«бѣ Великому Князю, и, внѣ себя отъ потери обожаемаго Мо«нарха, не скрылъ своего отчаянія и о совершившемся во «дворцѣ. Подтверждая сказанное Императрицею, онъ сталъ «укорять Николая Павловича за принесенную имъ присягу, и требовалъ повиновенія волѣ покойнаго Государя.»... Когда же

это предложеніе не было исполнено, то — продолжаетъ историкъ — «обѣ стороны были въ неудовольствіи: одна—за на-«стойчивое вмѣшательство, другая—за упорную неуступчи-«вость. Разстались довольно холодно».

Предлагаемое вновь брошюрою воспоминаніе о князѣ Александрѣ Николаевичѣ принадлежитъ перу почитателя его и друга Александра Скарлатовича Стурдзы. Для большинства русскихъ мыслителей оно оставалось неизвѣстно и въ немъ только лица упоминаемыя поименованы теперь въ современномъ ихъ значеніи, а о Царственныхъ надписяхъ включены подробности.

Неизлишне намъ теперь прибавить здѣсь, что Стурдза съ молодыхъ лѣтъ и съ отличіемъ проходившій дипломатическое поприще, былъ наконецъ ближайшимъ сотрудникомъ знаменитаго Капо д'Истрія, но при переворотѣ политическихъ отношеній къ Греціи, сблизясь между тѣмъ съ княземъ, перешелъ во ввѣренное ему въ 1817 году министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія членомъ Главнаго Правленія Училищъ, и въ этомъ званіи былъ равно дѣятельнымъ сотрудникомъ князя, а съ упраздненіемъ министерства, въ тогдашнемъ его объемѣ, оставилъ вовсе службу въ чинѣ тайнаго совѣтника и переѣхалъ въ Одессу, чтобы въ преклонныхъ лѣтахъ жить въ одномъ мѣстѣ съ сестрою своею графинею Эдлингъ.

При такомъ сближеніи съ княземъ, Стурдза, узнавъ о кончинѣ его, преисполнился скорбію, но возвергнувъ ее на Господа, излилъ въ краснорѣчивомъ своемъ словѣ къ услажденію вѣрующихъ въ томъ, по слову Сираха, что духъ почившаго отъ персти отдѣлился.

Графиня Эдлингъ принадлежала къ числу замѣчательныхъ лицъ эпохи Императора Александра Павловича. Другъ князя, другъ Родіона Александровича Кошелева (оберъ-гофмейстера, нѣкогда члена Государственнаго Совѣта, поборника правды, близкаго къ Государю человѣка), также княгини Софьи Сергѣевны Мещерской, графиня была, вмѣстѣ съ нею, въ перепискѣ

съ Государемъ. Всѣ сіи лица вели жизнь сокровенную въ Богѣ, и время развѣ раскроетъ потомству подвижничество ихъ, угодное Благословенному Государю Александру I-му. Современникамъ и особенно живущимъ на землѣ друзьямъ остается въ воспоминаніяхъ о нихъ мыслить съ Жуковскимъ, также другомъ Стурдзы и князя:

«О милыхъ спутникахъ, которые сей свѣтъ
Своимъ сопутствіемъ для насъ животворили,
Не говоримъ съ тоской: *ихъ нѣтъ*,
А съ благодарностію: *были!* . .»

Въ нѣжномъ и благоговѣйномъ помятованіи о князѣ Александрѣ Николаевичѣ, племянница его, княгиня Анна Петровна Голицына, извѣстная великими утратами двухъ сыновъ въ минувшую войну, павшихъ во брани, пожелала видѣть надгробное это слово пламеннаго его друга — почитателя Стурдзы, напечатаннымъ въ отдѣльныхъ брошюрахъ и изданіе ихъ пожертвовала въ пользу дѣтскаго пріюта Дамскаго въ Петербургѣ Тюремнаго Комитета. Комитетъ, предсѣдательствуемый другомъ князя, основателя Попечительнаго Общества о Тюрьмахъ, Татьяною Борисовною Потемкиною дѣйствуетъ неутомимо. Съ нею, представительницею первоначальнаго состава членовъ, Комитетъ, какъ прежде, и въ нынѣшнемъ составѣ единодушный, въ дѣлѣ призванія стремится наблюдать болѣе и болѣй нравственное благо заключенныхъ.

Надгробное слово Стурдзы найдетъ несомнѣнно пріобрѣтателей въ тѣхъ, *кто соблюдаетъ повѣсти мужей именитыхъ; разумъ ихъ восхвалятъ многіе и до вѣка не погибнутъ; не отъидетъ память ихъ и имена ихъ поживутъ въ роды родовъ*. (Сирахъ. XXXIX, 2, 11, 12).

ПОСМЕРТНАЯ ДАНЬ

ВЕЛЬМОЖѢ-ХРИСТІАНИНУ.

Дѣлайте дѣло ваше прежде времене (дондеже не прейде), и дастъ мзду вашу во время свое. Сирахъ. —

Въ грядущихъ вѣкахъ отзовутся дѣла
Или въ осужденьяхъ, иль въ плескахъ Потомства!

Мужъ царственныхъ совѣтовъ и христіанскаго милосердія совершилъ земное крестоносное поприще, для него самого многотрудное, но отрадное для многихъ и многихъ. Онъ, въ продолженіе четырехъ царствованій, т. е. слишнимъ полвѣка, бодрствовалъ на стражѣ государственной пользы, безопасности и славы; служилъ, благотворилъ—и въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ еще въ цвѣтѣ лѣтъ все-цѣло обратился къ Господу и *прозрѣлъ духомъ*, до того дня, какъ счастливая рука возвратила старцу тѣлесное зрѣніе, послѣ трехлѣтней слѣпоты, никогда *не жилъ для себя*, — а *жилъ для ближняго*.

Не столько любовь и приверженность моя, сколько увѣренность въ поучительной истинѣ, побуждаетъ меня приняться за перо для изображенія въ главныхъ чертахъ жизни, Богу и ближнимъ посвященной. Не дерзаю упреждать судъ современниковъ и потомства; не моею слабою рукой впишется имя князя Александра Голицына въ вѣковую скрижаль отечественныхъ лѣтописей. Но бывъ съ 1816 года свидѣтелемъ трудовъ, любви и подвиговъ смиренномудрія, тѣмъ болѣе удивительнаго и глубокаго, что оно отражалось въ томъ, кто стоялъ и высоко на ступеняхъ Престола, я покушаюсь передать согражданамъ собственныя впечатлѣнія—въ память того, кто такъ мало искалъ славы отъ *человѣкъ*, такъ неуклонно дѣйствовалъ во славу Божію, до послѣдняго дня и мгновенія. И

такъ не ищите здѣсь подробнаго по годамъ исчисленія чиновъ и знаковъ отличія, ознаменовавшихъ восхожденіе Царедворца по лѣствицѣ почестей и заслугъ; ибо не онъ ли, предузрѣвъ близкую кончину свою, самъ письменно воспретилъ всякое несеніе тлѣнныхъ вѣнцовъ земнаго величія предъ своимъ гробомъ?... Не онъ ли, вмѣсто блестящей одежды высокаго сана, приказалъ себя облечь по смерти сорочкою, нѣкогда полученною въ даръ изъ рукъ благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича при Его Коронованіи?...

Такія распоряженія покойнаго князя продиктованы имъ были домашнему секретарю за три мѣсяца до кончины. Смиренный подвижникъ въ Богѣ Александръ велѣлъ положить тѣло свое въ приморскомъ монастырѣ святаго Георгія, запретилъ всякую пышность при погребеніи тлѣнныхъ останковъ своихъ, и большую часть денегъ, для того назначенныхъ, заповѣдалъ раздать убогимъ жителямъ Симферополя.

Смерть истинныхъ христіанъ бываетъ зрѣлымъ плодомъ земной жизни, по которому познаётся древо смиренія и любви къ Богу, обнаруживается качество тѣхъ растительныхъ соковъ благодати, коими питалось оно въ дольнемъ мірѣ, отражало навѣтъ *князя власти воздушной* и мало по малу приходило въ мѣру возраста исполненія Христова. И мирная кончина князя Голицына приложена, какъ лучезарная печать, къ подвигамъ жизни, дышавшей *любовію и вѣрностію.* Подъ сею печатію сокрыты тайны водительства Божія надъ усопшимъ, и вмѣстѣ на ней отпечатлѣлись главныя черты обновленнаго въ немъ *образа* и подобія *Создавшаго.*

Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II, князь А. Н. Голицынъ, еще въ отроческихъ лѣтахъ находился при дворѣ Ея и служилъ камеръ-пажемъ при особѣ Великой Государыни. Онъ охотно припоминалъ на старости блескъ и славу двора Екатерины, и, съ свойственною ему одному простодушною живостію разсказа, умѣлъ плѣнять напряженное вни-

маніе слушателей, на которыхъ тихая и плавная бесѣда его наводила какое-то очарованіе. Милость и благосклонность Самодержицы Сѣвера и грозы Востока такъ памятны были благодарной душѣ его, что, кромѣ келейныхъ молитвъ, незабвенный никогда не упускалъ поминовенія 7-го ноября и службы за упокой Монархини въ домовой своей церкви. Къ печальному торжеству вѣрности и вѣры, въ тѣсномъ, но изящномъ придѣлѣ, покойный князь созывалъ всѣхъ служившихъ нѣкогда Екатеринѣ; ряды ихъ мало по малу рѣдѣли, но молитва благодарныхъ сердецъ не умолкала, возобновляемая ежегодно, сперва въ столицѣ, а потомъ въ Гаспрѣ, среди остатковъ упраздненнаго владычества Татаръ.

Вѣкъ Екатерины принадлежалъ XVIII-му столѣтію; на закатѣ его князь Голицынъ вступилъ на поприще жизни и въ общество людей. Извѣстно, что отличительнымъ характеромъ этого тревожнаго вѣка была строптивость умовъ, взимавшаяся въ цѣлой Европѣ на разумъ Божій, съ примѣсью неимовѣрнаго и преступнаго легкомыслія. Живущему подъ туманнымъ небомъ, въ атмосферѣ, напитанной вредными испареніями, нѣтъ возможности не подышать обдержащимъ воздухомъ, трудно и несбыточно различать предметы въ правильномъ ихъ освѣщеніи свыше. И юному князю, рано лишившемуся отца, по необходимости надлежало отвѣдать подслащенной чаши, которую въ то время сыны вѣка наперерывъ испивали сами и подносили другимъ. Вліяніе господствующаго образа мыслей, неизбѣжный по эпохѣ недостатокъ твердаго классическаго образованія и примѣры безпечности, всё дѣйствовало, всё злоумышляло на избранную душу молодаго человѣка, которому рано было распознать внутреннихъ своихъ враговъ. И подлинно, кто изъ смертныхъ могъ когда-либо оставаться вполнѣ свободнымъ и чуждымъ вліяній своего вѣка и современниковъ?.. Дорожить минутами счастія и приличнымъ образомъ блюсти обрядовую часть религіи, мало за-

ботясь о глубокомъ ихъ значеніи и нетлѣнной цѣли, вотъ то, что, по собственнымъ признаніямъ смиренномудраго, наполняло жизнь его, до самой той эпохи, въ которую воля Императора Александра I-го возвела юнаго царедворца на степень оберъ-прокурора Св. Синода.

Быть главнымъ представителемъ власти державной въ ея сношеніяхъ съ церковною властію, и оставаться попрежнему міролюбцемъ — вотъ то, чего не позволило тогда князю Голицыну врожденное чувство благоприличія, истины и добра. Отеческая рука божественнаго Промысла ввела будущаго труженика въ ограду Церкви, дабы обратить внутренно и усвоить болѣе и болѣе дѣлу Божію на землѣ. Съ тѣхъ поръ князь Александръ сталъ заниматься прилежно не однимъ заданнымъ служебнымъ урокомъ; онъ мало по малу началъ отказываться отъ свѣтскихъ забавъ и привычекъ, отчасти измѣнивъ самую наружность домашняго быта и съ жадностію искалъ знакомства съ людьми опытными въ христіанствѣ. Конечно, не всѣ усилія избранной души вѣнчались равнымъ успѣхомъ; иногда недовѣрчивость къ себѣ заставляла довѣрять духовному просвѣщенію и мудрости людей, въ благочестіи недозрѣвшихъ, или слишкомъ пристрастныхъ къ иноземнымъ наставникамъ; а въ иныхъ случаяхъ міръ, княземъ Голицынымъ оставляемый, въ досадѣ, но шопотомъ, дерзалъ упрекать орудію Божію—въ лицемѣріи! Впрочемъ, нареканія ни мало не поколебали твердости, не совратили чистыхъ намѣреній и хотя тогдашнія обстоятельства мало благопріятствовали исполненію трудныхъ обязанностей синодальнаго оберъ-прокурора, однако благодатное влеченіе крѣпло, расло внутренно и придавало всѣмъ способностямъ души направленіе истинно-христіанское.

Кромѣ вновь принятыхъ княземъ обязанностей оберъ-прокурорскаго званія при Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ, довѣренность Императора Александра I-го съ каждымъ годомъ возлагала на него новыя должности, которыя онъ и

исправлялъ какъ *послушанія*, по внутреннему обѣту. Онъ засѣдалъ въ совѣтахъ тѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, кои одушевляло присутствіе вѣнценосной матери сиротъ, Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Къ числу многихъ временныхъ порученій и знаковъ особеннаго Монаршаго довѣрія, должно отнести единственную въ жизни поѣздку его за границу въ 1808-мъ году; онъ находился въ свитѣ Его Величества, во время свиданія Александра I съ Наполеономъ въ Эрфуртѣ, куда стеклось тогда столько европейскихъ вѣнценосцевъ, утѣсненныхъ властолюбіемъ завоевателя. Въ разговорахъ о прошедшемъ, покойный князь, какъ бы издѣваясь, шутя надъ собою, говаривалъ, что ему разъ удалось быть въ чужихъ земляхъ, да и то на одинъ мигъ и въ такихъ мѣстахъ, которыя мало доставили пищи его любопытству. Подъ руководствомъ князя Голицына и при ученомъ содѣйствіи графа Михаила Михайловича Сперанскаго, совершилось учрежденіе въ Россіи трехъ духовныхъ Академій и преобразованіе Семинарій, по видамъ и соображеніямъ, чрезвычайно обширнымъ. Ревнители развитія просвѣщенія въ сословіи духовенства стремились обнять всю необъятную сферу наукъ и усвоить Православію. Послѣдующій опытъ, конечно, обнаружилъ нѣкоторые недостатки перваго начертанія, которое требовало содѣйствія иноземныхъ и иновѣрныхъ наставниковъ, не всегда безопаснаго. Но совсѣмъ тѣмъ умственное зданіе было заложено, возвысилось и упрочилось, обезпеченное приношеніями всѣхъ россійскихъ церквей, и нынѣ доставляетъ полное христіанское образованіе многимъ тысячамъ дѣтей духовнаго званія, отрокамъ и юношамъ. Извѣстно, что величественное учрежденіе, осѣняющее собою цѣлое государство Россійское, основано на капиталахъ, накопленныхъ и накопляемыхъ отъ дохода свѣчной продажи по церквамъ. Съ тѣхъ поръ приношенія сѣтующихъ къ алтарю Господню, скромныя знаменія горячихъ молитвъ, теплясь предъ иконами Спасителя, Богоматери и Святыхъ, не только служатъ залогомъ благоговѣнія народнаго къ Святынѣ, но еще содѣлались сред-

ствомъ воспитанія будущихъ пастырей и сановниковъ церкви, заключающей въ себѣ болѣе 43 милліоновъ православныхъ христіанъ, отъ Вислы до Байкала, отъ предѣловъ Русской Америки и Ледовитаго моря до береговъ Дуная, Чернаго и Каспійскаго морей. Протекло оттолѣ 34 года, и въ этотъ періодъ церковь, замѣстивъ всѣ епископскія каѳедры питомцами собственныхъ духовныхъ разсадниковъ, наполнивъ ими множество городскихъ и сельскихъ приходовъ и святыхъ обителей, отнынѣ удобнѣе прежняго содѣйствуетъ видамъ Правительства, пекущагося о распространеніи христіанскаго благочестія и полезныхъ знаній въ добромъ народѣ русскомъ. Поистинѣ, тотъ, кому досталось въ удѣлъ быть главнымъ орудіемъ въ дѣлѣ столь важномъ для отечества и Царства Христова, тотъ, безъ сомнѣнія, носилъ на себѣ печать благодатнаго избранія свыше.

Вѣчнопамятный всему человѣчеству 1812-й годъ пронесся надъ Россіею какъ громовая туча, изъ нѣдръ которой прорѣзываются молніи, струятся благодатные дожди, падающіе огненной росой на нивы, заросшія вреднымъ терніемъ. Какое обиліе христіанскихъ чувствованій, доблестей воинскихъ и гражданскихъ, какую бодрость духа народнаго воскресило дивное посѣщеніе свыше изъ края въ край земли русской! Всѣ искали тогда утѣшенія и силы въ словѣ Божіемъ. Императоръ Александръ I-й подавалъ подданнымъ примѣръ безстрашія, смиренномудрія и предусмотрительности; церковь воздвигала оружіе побѣды—единодушную молитву; всѣ сословія, сомкнувшись боевой стѣною около алтаря и Престола, дружно отразили враговъ, предводимыхъ злотворнымъ, но могущественнымъ геніемъ. Этотъ глаголъ Всевышняго, слагаемый изъ письменъ кровавыхъ и пламенныхъ, внятенъ былъ вѣрующей душѣ князя Голицына. Она откликнулась ему въ новыхъ, теплѣйшихъ обѣтахъ глубочайшаго благоговѣнія.

Около того же времени, основалось въ Россіи «Библейское Общество», по образцу Великобританскаго. Оно поставило цѣ-

лію распространеніе въ народѣ на разныхъ языкахъ священныхъ книгъ божественнаго откровенія, посредствомъ изданій дешевыхъ, для каждаго доступныхъ. Князь Голицынъ назначенъ былъ Президентомъ Россійскаго Библейскаго Общества, одушевлялъ труды его своею ревностію и всемѣрно старался достигнуть цѣли, существенно спасительной и хвалы достойной. Однако въ выборѣ средствъ обнаружилось не мало недостатковъ. Общество совмѣщало въ себѣ, безъ всякаго различія, членовъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій; оно, слѣдуя примѣру англійскихъ ревнителей библейскаго дѣла, не допускало въ изданіяхъ своихъ никакихъ объяснительныхъ выписокъ, или примѣчаній, даже тѣхъ, кои ознаменованы печатію церковной власти. Сверхъ того, по недостатку знатоковъ нарѣчій восточныхъ, или полуварварскихъ, не было возможности повѣрить переводы, разсылаемые Обществомъ въ дальнія страны, безъ всякаго ручательства въ неповрежденности текста Св. Писанія. Наконецъ, Россійское Библейское Общество, слитое изъ разнородныхъ стихій, непримѣтнымъ образомъ заходило въ завѣтный кругъ обязанностей и правъ, исключительно принадлежащихъ церковной іерархіи. Мнѣ памятно слово, сказанное и напечатанное въ то время однимъ безпристрастнымъ наблюдателемъ: онъ назвалъ Библейское Общество оружейною палатою слова Божія, уподобляемаго *мечу*, а изъ мѣткаго опредѣленія, наблюдатель выводитъ правильное заключеніе, что *оружейникамъ* несвойственно быть *воинами*.

Какъ бы то ни было, нельзя отрицать душеполезнаго вліянія, какое имѣло на христіанъ Общество, основанное благочестивою ревностью князя Голицына. Оно, безъ сомнѣнія, заронило не мало благодатныхъ сѣмянъ въ ниву сердецъ, посредствомъ домашняго чтенія. Тогда же, предстательствомъ незабвеннаго, начало появляться въ Россіи множество назидательныхъ книгъ, по большей части переведенныхъ съ иностранныхъ языковъ, но, къ сожалѣнію, не всегда удачно въ выбо-

рѣ подлинниковъ. Вышло въ свѣтъ первое періодическое изданіе духовнаго содержанія: *Сіонскій Вѣстникъ*, но Вѣстникъ скоро замолкъ, потому что въ его занимательныхъ статьяхъ скоро замѣчены были мѣста, съ здравымъ ученіемъ несогласныя.

Въ 1817-мъ году, по волѣ Императора Александра, учредилось особое *Министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія*, и ввѣрено было князю Александру Николаевичу. Въ основу новаго и многосложнаго учрежденія положена мысль: что между наукою о Богѣ и прочими должна существовать тѣсная связь, слѣдственно согласіе въ преподаваніи всѣхъ предметовъ *вѣры и вѣдѣнія*. И для того, дѣла духовныя и дѣла воспитанія подчинены одному общему надзору, подведены подъ одно зиждительное начало; казалось нельзя было желать ничего лучшаго въ быту государственномъ; и на самомъ дѣлѣ, святая мысль произвела благотворныя улучшенія, особливо по части народнаго просвѣщенія. Но вскорѣ опытъ обнаружилъ частныя неудобства въ составѣ министерства, которое едва ли было по силамъ одному человѣку. Отношенія Церкви къ Самодержавной Власти нѣсколько измѣнились тѣмъ, что высокое званіе сунодальнаго оберъ-прокурора перешло къ подчиненному лицу, замѣнявшему отсутствіе министра, а не Державнаго Вѣнценоснаго Лица.

Кромѣ занятій и попеченій, обнимавшихъ весь кругъ дѣйствій Правительства по части духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князь Александръ Николаевичъ завѣдывалъ еще дѣлами Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, имъ преобразованнаго. Нищелюбивая рука его раздавала нуждающимся хлѣбъ насущный, вмѣстѣ съ хлѣбомъ духовнымъ, отъ сосредоточенныхъ въ казнѣ Общества щедротъ Монаршихъ и подаяній усердныхъ христіанъ. Подъ руководствомъ Совѣта, въ коемъ засѣдали Митрополитъ Новгородскій и другія почетныя особы духовнаго сана, получилъ лучшее устройство С.-Петербургскій Медико-Филантропическій Комитетъ, прежде того

отдѣльно существовавшій; учреждены вновь комитеты: попечительные о бѣдныхъ въ обѣихъ столицахъ, въ Воронежѣ, Ригѣ, Уфѣ и Казани, сословіе для призрѣнія и воспитанія малолѣтныхъ обоего пола; началъ издаваться журналъ, предметамъ благотворительности посвященный; основаны новые домы сердоболія и призрѣнія страждущихъ, и, наконецъ, возникло, образовалось и отдѣлилось отъ кореннаго учрежденія, для бо́льшаго успѣха въ подвигахъ милосердія—*Общество попечительное о тюрьмахъ*, которое и нынѣ зиждетъ повсюду церкви въ стѣнахъ тюремныхъ замковъ и водворяетъ въ нихъ трудолюбіе, какъ залогъ исправленія подъ крыломъ молитвы. Неутомимый въ покровительствѣ и благотвореніи всѣмъ частнымъ лицамъ, умолявшимъ о помощи, князь Александръ Николаевичъ, въ 1822 году, удостоился свыше новаго необыкновенаго служенія страждущему человѣчеству. Онъ обратилъ вниманіе блаженной памяти Императора Александра I-го на цѣлый сонмъ единовѣрныхъ намъ изгнанниковъ, прибывшихъ въ Одессу во время душегубства и гоненія христіанъ въ Константинополѣ. Пришельцевъ считалось тогда въ Одессѣ и Кишиневѣ не менѣе 10,000 человѣкъ всякаго состоянія, возраста и пола. Предстательствомъ и попеченіями незабвеннаго князя, открыта была въ цѣлой Россіи подписка въ пользу безпріютныхъ, которымъ она и доставила не менѣе 900,000 руб., розданныхъ нуждающимся семействамъ. Этого мало: насталъ грозный день всенароднаго истребленія злополучныхъ жителей острова Хіоса; избѣжавшіе огня и меча, Хіосцы отведены были въ плѣнъ и рабство, распроданы по всѣмъ базарамъ Востока, а на островѣ, кипѣвшемъ нѣкогда жизнію и богатствомъ, водворилась внезапно мертвая тишина, прерванная на одинъ только мигъ страшнымъ взрывомъ линейнаго корабля, съ котораго капитанъ-паша наканунѣ довершалъ гибель 150 тысячъ христіанъ. Князь Голицынъ приступилъ ко второму повсемѣстному сбору подаяній для выкупа плѣнныхъ Хіосцевъ и Критянъ: денегъ собрано опять около 750

тысячъ руб. Берега Ледовитаго моря съ усердіемъ откликнулись стону православныхъ единовѣрцевъ отдаленнаго юга, и многимъ рабамъ возвращена личная свобода, вѣра, честь — всѣ тѣ блага, какія для человѣка дороже самой жизни. При дѣятельномъ участіи въ подобныхъ боголюбезныхъ предпріятіяхъ, князь Голицынъ всегда жертвовалъ, не будучи богатымъ, изъ собственныхъ способовъ, дабы благоухающій *цвѣтъ* убѣждающаго слова сопровождаемъ былъ *плодомъ* любви.

Когда настала эпоха упраздненія Министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, тогда Александръ Голицынъ, уволенный отъ званія министра, продолжалъ занятія по званію члена Государственнаго Совѣта, принялъ главное начальство надъ Почтовымъ департаментомъ и впослѣдствіи, послѣ кончины князя Куракина, пожалованъ Канцлеромъ Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ.

Бѣдственное наводненіе нашей сѣверной столицы, нахлынувшее на нее 7-го ноября 1824 года, вызвало покойника къ новымъ усиленнымъ подвигамъ христіанскаго сердоболія, даннаго ему свыше взамѣнъ семейныхъ узъ и утѣшеній домашняго крова. Усопшій, скончавшійся свыше 70-ти лѣтъ (*), не былъ женатъ и не оставилъ слѣдственно въ прямой линіи по себѣ потомства. Но безсмертіе въ памяти добродѣтели, яко и предъ Богомъ познается и предъ человѣки. (Премудрости Соломони IV, I).

Но уже приближалась къ душѣ его новая тяжелая скорбь: безвременная кончина Царя и благодѣтеля, посѣтившая внезапнымъ сиротствомъ и домъ царскій и святую Русь и Европу, нѣкогда освобожденную Александромъ. Надобно было знать человѣка, чтобы постигнуть и вполнѣ измѣрить печаль, поразившую сердце Голицына въ тревожные дни! Горесть души его соотвѣтствовала милостямъ и высокому довѣрію всего августѣйшаго Царственнаго семейства, а у Него съ давнихъ лѣтъ князь Александръ Николаевичъ былъ приснымъ, хранителемъ и таинникомъ всѣхъ задушевныхъ радостей и скорбей. Но вопреки тяжести удара, вне-

(*) Родился 8 го Декабря 1773, скончался 22-го Ноября 1844.

запно Россіи нанесеннаго, вельможа-христіанинъ, обреченный высокому служенію, умѣлъ сохранить присутствіе духа и всё возложенное на него исполнить.

Колебаніе умовъ, всенародная скорбь, судорожныя движенія безсильной крамолы, самое величіе зрѣлища, почти безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ міра, когда Братская любовь, окриленная любовью къ отечеству, взаимно отказывалась отъ Царскаго вѣнца, по единодушному желанію согласить право первородства въ наслѣдованіи Престола съ завѣтомъ предусмотрительной мудрости Александра, всѣ столь необыкновенныя обстоятельства, стекшіяся въ одинъ великой мигъ, не нарушили въ душѣ, преданной Богу и царямъ, того спокойствія и яснаго сознанія долга, которыми князь Александръ Голицынъ ознаменовалъ государственную дѣятельность подъ непосредственнымъ вліяніемъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Николая I-го. Исторія, безъ сомнѣнія, не умолчитъ о заслугахъ усопшаго; она нѣкогда передастъ ихъ, въ точныхъ и свѣтлыхъ чертахъ, памяти поздняго, благодарнаго потомства.

Съ 1826-го года, несмотря на лѣта ужъ-нѣсколько преклонныя, труды князя Голицына въ самомъ средоточіи государственныхъ дѣлъ продолжались безпрерывно, одушевляемые безкорыстнымъ самоотверженіемъ. Присному въ семьѣ Русскаго Царя ввѣряемы были подъ надзоръ благословенныя отрасли Четы державной, на время отбытія изъ столицы.

Покойный такъ полюбилъ долгъ, по-временамъ возлагаемый на него чадолюбивымъ довѣріемъ и заботливостью Монарха, что показывалъ иногда друзьямъ записочки, имъ полученныя отъ порфирородныхъ дѣтей, и въ особенности заставлялъ насъ любоваться миніатюрными портретами великихъ князей и княженъ, соединенными въ богатой алмазной оправѣ на табакеркѣ, подаренной ему на память. Впрочемъ, отъ блистательныхъ съѣздовъ ко двору и вечернихъ увеселеній, князь Голицынъ рѣшительно устранилъ себя еще въ 1826 году, по Высочайшему соизволенію. Онъ берегъ силы свои

Государств. публичная историческая библиотека

какъ *талантъ*, небезотчетно ввѣренный ему свыше, а *время*— какъ залогъ и преддверіе всеистязующей вѣчности. Бо́льшую часть онаго труженикъ удѣлялъ занятіямъ многосложнымъ по службѣ, часть—уединенію и молитвѣ, остальную — немногимъ друзьямъ, которыхъ любилъ навѣщать въ уреченные дни, раздѣляя съ ними хлѣбъ-соль и радуя ихъ своею задушевной бесѣдой. Покойникъ находилъ превосходное для себя наслажденіе въ чтеніяхъ и разсказахъ, возвѣщавшихъ событія замѣчательныя, но мало кѣмъ примѣчаемыя въ Царствѣ Благодати, въ тайныхъ изгибахъ сердца и движеніяхъ внутренней жизни. Эта наклонность христолюбивой души его доходила иногда до пристрастія, отзывавшагося легковѣріемъ ко всему сверхъестественному. Зато какое въ немъ обитало сокровище любви, какая скромность и простота при тонкомъ умѣ; какая въ немъ обнаруживалась твердость духа въ важныя минуты жизни и дѣятельности, при самомъ чистомъ младенчествѣ смиренія и вѣры! Князь Александръ Николаевичъ ошибался и погрѣшалъ въ тѣхъ только случаяхъ, когда сострадательное сердце его, тронутое до глубины чужимъ горемъ, вступало въ заговоръ противъ разсудка, обыкновенно свѣтлаго и проницательнаго. Если-жъ иногда, какъ человѣкъ, подвергался онъ вліянію какого-нибудь превратнаго понятія о вещахъ и предметахъ наипаче духовныхъ, то стоило только прямодушному изложить предъ нимъ истину безъ прикрасъ, онъ тотчасъ сознавался въ своей ошибкѣ съ изумительнымъ чистосердечіемъ. О такихъ примѣрахъ смиренномудрія и любви къ святой истинѣ я говорю здѣсь не по слухамъ, но изъ собственныхъ опытовъ и по умилительнымъ и священнымъ для меня воспоминаніямъ. Кротость незабвеннаго вельможи и сановника въ обращеніи съ людьми равно плѣняла всѣхъ, къ нему приближавшихся, а глубокое смиреніе благочестивой души его не всякому было извѣстно и удобопостижимо. Это потому, что *кротость* бываетъ и *природнымъ* даромъ, а *смиреніе*—никогда! Оно выше естества и ниспосылается благодатію въ награду за вѣру

и вѣрность. Еще одна черта нравственнаго облика! Князь Голицынъ одаренъ былъ отъ природы умомъ тонкимъ, мѣткимъ, которому свойственно было замѣчать и перенимать смѣшную сторону каждаго человѣка, или приключенія въ жизни. И что же? Постоянное хожденіе предъ Богомъ и любовь къ ближнему, нерѣдко доходившая до любви къ врагамъ, придали князю Голицыну столько силы, что онъ превозмогъ искусительную наклонность къ легкой иронiи, положилъ храненіе устамъ, и быстрый взглядъ, такъ удачно ловившій дотолѣ всѣ странности людскія, пріосѣнялъ завѣсою боголюбезной снисходительности. Рѣдко, очень рѣдко, и-то развѣ на одинъ мигъ проглядывалъ въ бесѣдахъ его *ветхій человѣкъ*, съ оружіемъ природной остроты, тотчасъ усмиряемой крѣпкою уздою благочестія!

Въ 1830-мъ году, когда я простился съ княземъ въ сѣверной столицѣ, здоровье его, хранимое умѣренностью и тиходѣятельнымъ образомъ жизни, еще не измѣняло ему и казалось предвѣщало глубокую и безболѣзненную старость. Сътѣхъ поръ и до 1835-го года, незабвенный продолжалъ своеручную переписку съ друзьми и чтителями его достоинствъ; особенно писалъ онъ довольно часто сестрѣ моей, и меня по-временамъ удостоивалъ и радовалъ своими отвѣтами, никогда, впрочемъ, неутомляясь, какъ скоро дѣло шло о вспоможенiи несчастнымъ, о предстательствѣ за нихъ, или о предметахъ христiанскаго богомыслiя и христiанскаго милосердiя. Какъ истинный служитель Христовъ, пребывшій въ мірѣ не для мірскихъ цѣлій, онъ началъ заранѣе помышлять объ устроенiи себѣ тихаго и безмолвнаго пріюта, подъ южнымъ небомъ Тавриды. Тамъ, у подошвы приморскихъ скалъ, опоясанныхъ роскошною зеленью долинъ и дубравъ, купилъ онъ заочно небольшое помѣстье, подъ названіемъ Гаспру-Александрію, гдѣ съ помощію княгини Анны Сергѣевны Голицыной, уединившейся въ Кореисѣ, выстроили для него небольшой красивый замокъ, съ двумя теремами, однимъ для часовъ, а другимъ долженствовавшимъ быть молитвенною храми-

ною. Домъ, садъ и водопроводы, всё дѣлалось по чертежамъ, которые разсматривалъ и одобрялъ издали отсутствующій хозяинъ. Всѣхъ знакомыхъ, посѣщавшихъ очаровательное крымское побережье, князь Голицынъ приглашалъ побывать въ Гаспрѣ и взглянуть на будущее его убѣжище. И мнѣ довелось описать ему невиданное имъ помѣстье и домъ, къ которому примыкали двѣ башни: одна, принадлежащая *времени*, другая *вѣчности*. Долго, очень долго это одинокое зданіе ожидало прибытія домовладыки. Строительница похищена была смертію; въ безлюдномъ зданіи, висѣлъ на стѣнѣ портретъ хозяина, а подъ нимъ виднѣлись своеручныя надписи Августѣйшихъ Гостей, изъявившихъ желаніе удержать навсегда при себѣ того, кто ужѣ искалъ лица Божія, и среди блеска чертоговъ Царскихъ, и въ созданной имъ обители безмолвія. (Надписи были слѣдующія: 1) «*Радъ видѣть портретъ, но оригинала здѣсь видѣть никогда не желаю; ибо кого душевно любишь, съ тѣмъ не разстаешься вѣчно: не такъ ли?* 2) *Согласна. Александра.* Къ Имени Государыни Матери приписали Свои Имена Царскіе Дѣти Государь Императоръ *Александръ*, Наслѣдовавшій чрезъ 18 лѣтъ Родительскій Престолъ и *Марія* Николаевна, Великая Княгиня. Гости были въ дому Князя 18-го Сентября 1837 и надписи ихъ побудили Приснаго Сановника остаться при Дворѣ, пока силы позволятъ и отпраздновать Брачныя Торжества Старшихъ Царственныхъ Дѣтей). Наконецъ Промыслъ Божій указалъ дальнѣйшее въ земной жизни шествіе и мѣсто покоя знаменитому труженику. Зрѣніе его начало еще въ Петербургѣ годъ отъ году замѣтнѣе притупляться и слабѣть, а на пути въ Крымъ даже померкло; пособія искусства и совѣты врачей оказались безсильными отвратить слѣпоту, грозившую давно-прозрѣвшему духомъ. Съ кроткимъ самопреданіемъ волѣ Небеснаго Отца, безъ всякаго уныніа, князь Голицынъ сложилъ съ себя всѣ обязанности, всѣ почести высокаго сана, взялъ крестъ свой и пошелъ въ слѣдъ за Спасителемъ ко гробу. Побывавъ мимоѣздомъ въ Москвѣ, въ Кіевѣ и въ Одессѣ,

гдѣ суждено было мнѣ снова увидѣть безмятежнаго старца, насладиться его бесѣдою и подивиться примѣру душевнаго спокойствія, добровольный отшельникъ прибылъ наконецъ въ мирное жилище, имъ самимъ приготовленное. При немъ поселилась любившая его сестра Елисавета Михайловна Кологривова, съ малочисленною прислугою. Опытному христіанину давно уже было открыто и вѣдомо, въ какой мѣрѣ пути Божіи отстоятъ отъ путей человѣческихъ! И потому онъ нимало не смутился духомъ, когда вступилъ ощупью въ домъ свой и, противъ чаянія, не увидѣлъ ни жаркаго полуденнаго неба, ни красоты голубыхъ зыбей, возвѣщавшихъ ему близость пучины морской однимъ лишь протяжнымъ и мѣрнымъ плескомъ. Испытаніе, столь тяжкое для невозрожденной души, вовсе не нарушило мирной привѣтливости и радушія князя Голицына. Старецъ еще болѣе приникъ и вошелъ въ самого себя: заботился только о скорѣйшемъ устроеніи, подъ кровомъ своимъ, небольшой домовой церкви. Надъ симъ любителемъ святыни и благолѣпія Дома Божія сбывалось такимъ образомъ въ другой разъ слово Царя-Пророка, которое глубокомысленный Проповѣдникъ, тогда еще молодой архимандритъ, Филаретъ — нынѣ Сѵнодальный членъ, Митрополитъ Московскій и Коломенскій, положилъ нѣкогда въ основаніе слова, произнесеннаго имъ при освященіи первой домовой Церкви князя Голицына въ столицѣ: *«Єдино просихъ отъ Господа, то взыщу, еже жити ми въ Дому Господнемъ вся дни живота моего, еже зрѣти ми красоту Господню и посѣщати храмъ Святый Его»*. Взамѣнъ красотъ природы, померкшихъ предъ взоромъ искушаемаго старца, онъ стяжалъ снова вожделѣннѣйшее благо души — мирное жилище сановитаго мужа огласилось пѣніемъ ангельскимъ.

Первоначальный въ Крыму Намѣстникъ Царскій съ супругою (*), а за ними и всѣ постоянные жители и гости южнаго

(*) Имя *Воронцова*, въ Храминѣ Исторіи, станетъ рядомъ съ именами: *Таврическаго*, *Крымскаго*, *Ришельё*.

берега, наперерывъ являлись въ Гаспрѣ-Александріи, съ сердечною данью уваженія и любви. Князь Голицынъ принималъ всѣхъ съ веселымъ духомъ и лицомъ; хвалился пріятностью климата, проводилъ время въ назидательныхъ чтеніяхъ, и безъ всякаго видимаго усилія возносился всё выше и выше надъ тѣлесною немощію, благодушно попирая домашнія заботы и всякое житейское терніе, которымъ обыкновенно заростаетъ стезя жизни до самаго отверстія могилы! Онъ безропотно переносилъ тяжкую зависимость и томленіе, съ потерею зрѣнія неразлучныя; возвергалъ на Господа печаль свою до тѣхъ поръ, пока упрошенный нѣжною сестрою и приближенными, рѣшился наконецъ ввѣрить себя рукѣ искуснаго русскаго врача, профессора и доктора Караваева (*). По первому призыву, юный наперсникъ цѣлебныхъ наукъ поспѣшилъ къ князю въ Крымъ и, по внимательномъ осмотрѣ глазъ больнаго, приступилъ къ снятію внутренняго бѣльма или *катарракта*. Старецъ предварительно объявилъ, что если Богъ благословитъ руку врача, то показали бы ему впервые, вмѣсто всякой другой вещи, Святой Крестъ съ изображеніемъ Распятаго.

Всё исполнилось по его желанію; прозрѣвшій, облобызавъ Крестъ, тотчасъ примолвилъ: «теперь покажите мнѣ лицо моего благотворителя»—взглянулъ на него, и предохранительная повязка опять сокрыла отъ него внѣшній міръ. Вопреки довольно сильному воспаленію и приключившейся лихорадкѣ, старецъ началъ выздоравливать и мало по малу привыкать къ вліянію яркаго свѣта. Тогда знакомыя черты друзей, видъ свѣжей зелени, расположеніе комнатъ и небольшія прогулки по незнакомому саду, всё доставляло ему отраду и удовольствіе, все дѣтски тѣшило и возводило душу на крылахъ молчаливой молитвы ко Христу Богу, Подателю всѣхъ благъ. Однако надежды всѣхъ любившихъ его едвали сообщались сердцу, отрѣшенному отъ всего земнаго. Нѣтъ сомнѣнія, что водяная

(*) Владиміръ Аѳанасьевичь Караваевъ за эту операцію пожалованъ отъ Государя Николая Павловича брилліантовымъ вензелевымъ перстнемъ.

болѣзнь, гнѣздившаяся въ груди, въ часы мучительныхъ безсонницъ давала предвкушать лучшую жизнь и прозрѣвать то *впрою*, то *видѣніемъ* въ иную область Свѣта, озаряемую незаходимымъ Солнцемъ. Вотъ что заставило больнаго, за три мѣсяца до кончины, продиктовать умилительныя строки, въ которыхъ предначертаны малѣйшія подробности отпѣванія и погребенія тлѣнныхъ останковъ, какъ бы завѣтъ намъ и памятникъ глубочайшаго смиренія, нищелюбія и мира души съ Богомъ.

По волѣ усопшаго, тѣло его положено въ Храмѣ Свято-Георгіевскаго монастыря, сокрытаго за оплотомъ навислыхъ утесовъ и горъ, къ коимъ волны Чернаго моря приражаются день и ночь, словно бой всемірныхъ часовъ, измѣряющій время, вѣчностью поглащаемое. Здѣсь молитва стоитъ на стражѣ священныхъ воспоминаній объ Александрѣ Благословенномъ и вѣрномъ слугѣ Царей Русскихъ — князѣ Александрѣ Голицынѣ! (*)

(*) 25-го Ноября, 1844 года, тѣло оплаканнаго въ дому князя Александра Николаевича Голицына привезено было, въ шесть часовъ вечера, въ деревню Байдары. Несмотря на затрудненія, происшедшія отъ сильнаго и несвоевременнаго въ Крыму паденія снѣга, сопровождавшагося мятелью и вѣтрами, по распоряженіямъ Корпуса Путей Сообщенія Подполковника Славича печальное шествіе совершено было благополучно. Къ гробу поставленъ былъ на ночь почетный караулъ отъ Балаклавскаго Греческаго Пѣхотнаго Баталіона. На слѣдующій день, 26-го Ноября, въ восемь часовъ утра, погребальная процессія отправилась въ Георгіевскій монастырь; по прибытіи туда, въ 1¾ часа пополудни, встрѣчена была Митрополитомъ монастыря Св. Георгія, Агаѳангеломъ, съ духовенствомъ, и тѣло внесено въ церковь, а на другое утро, 27-го числа, въ Понедѣльникъ, по отслуженіи литургіи и панихиды, при коихъ присутствовали Таврическій Гражданскій Губернаторъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Рославецъ, князь Мещерскій и многія другія лица, тлѣнные останки доблестнаго мужа положены въ самой церкви монастыря, по лѣвой сторонѣ входа въ оную. Нѣкогда въ дружеской бесѣдѣ Прозорливый Пастырь-Іерархъ Митрополитъ Филаретъ Московскій, какъ бы провидя, при убѣжденіяхъ князя не удаляться въ Крымъ, сказалъ: а что, если какой вражескій набѣгъ потревожитъ прахъ и тамъ, въ далекомъ краѣ?... Набѣгъ былъ чрезъ 10-ть лѣтъ, но враги не оскорбили священной обители, а были же! Пути Божіи неисповѣдны!

Кому изъ насъ, странниковъ земныхъ, не случалось послѣ труднаго пути, въ весеннюю ночь выѣхать изъ рощи, хоромъ пернатыхъ оглашаемой, на равнину, увидѣть, какъ на востокѣ багровой полосой занимается во мракѣ заря и, оглянувшись на западъ, кинуть послѣдній взоръ на знакомую звѣзду, готовую закатиться въ ликѣ свѣтилъ, кротко озарявшихъ его ночное шествіе! Такъ и я, передъ разсвѣтомъ невечерняго дня, прощаюсь съ однимъ изъ лучшихъ современниковъ моихъ, сіявшихъ на небосклонѣ Россіи, прощаюсь не надолго и приношу не богатую, но сердечную дань ко гробу вельможи-христіанина.

Блаженно-усопшимъ *вѣчный покой,*
Живущимъ — *примѣръ и въ Богѣ надежда!*

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Надгробное сіе слово предназначено къ распродажѣ въ пользу дѣтскаго Тюремнаго Комитета по 50 коп. сер. за экземпляръ. Желающіе могутъ пріобрѣтать оное или въ зданіи Комитета призрѣнія нищихъ у завѣдывающаго домомъ Надв. Сов. Луки Діонисіевича Зиминцкаго, или у Визитатора подвѣдомыхъ Дамскому Комитету тюремныхъ учрежденій, Полковника Петра Семеновича Лебедева, въ торговой же улицѣ, въ домѣ г-жи Лавинской.